

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81(091) + 81'36 + 81'373.46

О. В. Лукин

Терминология теории частей речи: античные истоки

Автор анализирует особенности становления терминологии теории частей речи. Появившиеся в античной философии Платона и Аристотеля термины, имевшие философско-логическое содержание, переносятся на лингвистические исследования, где получают совсем другое значение. Терминология греческих и римских ученых, описывающая феномены их родного языка, впоследствии некритически переносится на почву языков с иными типологическими характеристиками, что лишь затрудняет их адекватное исследование и описание. Однако привычность этой терминологии, повсеместное использование античных ярлыков заставляет не отказываться от них, а дать им реальное типологическое объяснение.

Ключевые слова: части речи, терминология, античная философия, Платон, Аристотель, стоики, александрийские грамматисты, римские грамматисты.

O. V. Lukin

Parts of speech terminology: antique origins

In this article the author analyses peculiarities of the appearance of parts of speech terminology. Antique philosophy of Plato and Aristotle being the origin of parts of speech terms, they used to be philosophical in content. Over time the terms were transferred from philosophical to linguistic studies receiving a different meaning. Terminology of Greek and Roman scientists which reflected the phenomena of their native languages were later unreasonably used in studies of the languages with different typological features, hampering their adequate description. However, the customary regular use of this terminology makes us explain their real typological meaning instead of dropping them altogether.

Keywords: parts of speech, terminology, antique philosophy, Plato, Aristotle, stoics, Roman and Alexandrine linguists (grammarians).

Вопросы теории частей речи, которые в течение более двух тысячелетий относятся к узловым вопросам науки о языке и характеризуются как ее «нерешенные проблемы», «болевые точки», не могут не привлекать внимания современного исследователя. Одним из центральных вопросов при этом остается терминология теории частей речи. Сами «части речи» – это, разумеется, и словоформы, и лексемы, и компоненты высказывания, играющие в предложении роль его членов, отражающие явления объективной действительности, человеческого мира, понятийного аппарата человечества, наконец, самих себя и еще многое другое. К сожалению, все названные (и не только эти) «ипостаси» частей речи лишь немногие ученые отграничивают друг от друга, воспринимая их некоей синкретической данностью и в соответствии с этим пониманием описывая и классифицируя ее. Однако, если бы это было только так, многие неразрешимые проблемы час-

теречной теории не только исчезли бы сами собой, они попросту не появились бы. Гораздо хуже, что каждая из этих сторон частеречной природы по очереди выдвигается на передний план и в разных вариациях описывается и абсолютизируется в соответствии с определенными актуальными потребностями.

Не может не вызывать удивления широчайшая палитра терминов современного языкознания, относящихся к «частям речи»: это лишь слабый отголосок терминологического разнообразия, доставшийся от философов античности современным языковедам, который последние принимают за абсолют. Нельзя также не игнорировать и того вполне очевидного факта, что употребляемые современным языкознанием термины античной философии не могут иметь тех же значений, какие они имели в трудах греческих философов: любой термин в иной научной парадигме, научной парадигме совершенно другого времени

не может значить того же, что сейчас, ср. показательное в этом смысле высказывание В. А. Звегинцева о языке В. фон Гумбольдта: «Не нужно забывать и того, что Гумбольдт был человеком своего времени и говорил он также на языке своего времени» [3, с. 358].

Объем того или иного лингвистического термина зависит от разнообразных факторов, и не в последнюю очередь от языка, в котором этот термин функционирует. Поэтому термины одного языка, обозначающие как само понятие «части речи», так и отдельные части речи, отличаются от соответствующих терминов в других языках (ср. рассуждения Э. Косериу по поводу объема термина «язык» [8, 6]). Это – только одна из причин того, почему частеречная проблематика в современном языкознании продолжает оставаться настолько сложной и неразрешимой: в прямом и переносном смысле исследователи говорят на разных языках и вкладывают в термин «части речи» разнообразные значения. В связи с этим теория частей речи всегда наталкивается на едва преодолимые трудности, которые сопровождали ее на протяжении всей истории. Трудности эти вызваны в немалой степени традиционной античной терминологией, которая самой семантикой терминов дает «указания» на их связи.

Аналогичным образом ведут себя и традиционные частеречные термины, образованные в различных языках не без влияния если не самих греко-латинских терминов, то, по крайней мере, античного механизма их образования. Латинские термины не только говорят сами за себя, но и указывают направления трактовки того или иного термина. Так, термины *имя*, *глагол*, *числительное* указывают в семантическом направлении, термины *союз*, *предлог*, *наречие* – в направлении синтаксической функции, *местоимение* – текстуальной функции, *междометие* – прагматической функции и т. д. [10, с. 74].

То, что мы сейчас называем частями речи, великий античный мыслитель Платон рассматривал как части логического суждения. Греческое *λόγος* (Ср.: «При многозначности слова *λόγος* с его разнообразными употреблениями в качестве логического, риторического, грамматического и философского термина, неопределенный перевод "части речи" не передает специфического содержания этого понятия в античной языковой теории» [4, с. 22].) и латинское *oratio* обозначали одновременно и речь, и предложение, *ἰσμεν* – и название, и имя собственное, и сло-

во, и имя (существительное и/или прилагательное) [5, с. 15]. Распространенный перевод древнегреческих терминов *ἰσμεν* и *ἰσμεν*, которые Платон первым ввел в научный обиход, как «имя» и «глагол» является поэтому, к сожалению, слишком некорректным: *ἰσμεν* обозначает реальный субстрат, вещь, деятеля, предмет речи, нечто сущее, *ἰσμεν*, напротив, абстрактное понятие, практику или действие, подчиненную деятельность и участие в некоей идее (ср. [13, с. 193]). Платон отождествлял части речи не только и не столько с логическими категориями человеческого сознания как субъект и предикат, но и с явлениями внеязыковой действительности – с действиями и их носителями. По мнению Л. Пауля, категоризация частей речи имела свое начало в самообосновании диалектического мышления и его рефлексивной аналитике и не может подвергаться теоретическому осмыслению в отрыве от ее систематического происхождения [13, с. 187].

Поскольку отношения между философией и языкознанием в античную эпоху, разумеется, выглядели совершенно иначе, чем сейчас, термины, использовавшиеся Платоном в отношении частей логического суждения, не могут быть терминами лингвистическими, ср.: «Термины, входящие в состав высказывания, традиционно подразделяют на субъект (в логических формах его позиция указывается буквами "a" и "S") и предикат (позиция указывается буквой "P"). ... В таком случае эти два термина являются знаками не лингвистических объектов как составных частей предложения, а чего-то находящегося вне данных предложений, то есть существующего в той области объективной реальности, которая этими предложениями описывается. ... Ясно, что подобное употребление терминов «субъект» и «предикат», когда, с одной стороны, они применяются для обозначения лингвистических объектов, а с другой, внелингвистических, реальных объектов, является двусмысленным и нежелательным. Правда, можно было бы различить эти два употребления, каждый раз уточняя, о чем идет речь, – семантическом или синтаксическом смысле терминов, или же использовать для каждого случая свою собственную терминологию: например, обозначать соответствующие лингвистические объекты словосочетаниями "субъектное выражение" и "предикатное выражение", а те реалии, с которыми они соотносятся, – словосочетаниями

”субъект (предмет) высказывания” и ”предикат высказывания”» [2, с. 16–17].

На дальнейшее развитие частеречной терминологии, несомненно, повлияла философия и логика знаменитого ученика Платона – Аристотеля. Так, второй принцип аристотелевской логики – принцип запрещенного противоречия – заключается в том, что два противоречащих друг другу высказывания не могут быть истинными одновременно. Из этого принципа, в частности, следует, что употребляемые в различных контекстах термины могут относиться к разным денотатам, и это, в свою очередь, приводит к немалой терминологической путанице.

Третий принцип – принцип исключенного третьего – состоит в том, что один элемент или понятие подпадает под одно или другое понятие, или в том, что высказывание о чем-то или истинно, или ложно. Принцип исключенного третьего предполагает, что выбор одного определенного языкового выражения означает одновременное исключение другого выражения, что идеализирует и упрощает действительные языковые и мыслительные явления и процессы. Двоичность аристотелевской формальной логики оправдывается следующим соображением: двоичность или разложимость действительности на альтернативы – это не свойство, представляемое миром без нашего участия, а способ, которым мы успешно воздействуем на мир (см. [18, с. 303]. В соответствии с третьим принципом формальной логики в языкознании как бы уже predeterminedены некоторые бинарные оппозиции, в том числе и самая главная оппозиция в системе частей речи «имя/глагол», а также другие бинарные оппозиции, предлагавшиеся в разное время исследователями теории частей речи.

Аристотель пытался свести не только мир, но и язык, и знание к их «элементарным» основным формам. Десять категорий Аристотеля или десять когнитивных образцов были созданы и для того, чтобы классифицировать множество наших понятийных образований (ср. [9, 212]). Из этих десяти категорий вначале была создана бинарная оппозиция. Категория субстанции, обозначающая сущее, способное существовать само по себе и быть носителем несамостоятельных свойств (см. [9, с. 212]), противопоставляется другим девяти категориям – акциденциям. Эта оппозиция, в основе которой нельзя не увидеть оппозицию $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\sigma\tau\alpha$ / $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\sigma\tau\alpha$, с одной стороны, и аристотелевская двухвалентная логика, с другой стороны, взаимно объясняют и определяют друг друга.

Любопытно отметить, что начиная с середины девятнадцатого столетия Аристотеля упрекают в том, что он вывел свои категории из грамматической структуры греческого языка. При этом великий мыслитель подвергается критике как со стороны философов, так и со стороны лингвистов. Первым, кто указал на то, что аристотелевские категории – отражение грамматической структуры греческого языка, его частей речи и членов предложения, был А. Тренделенбург [17]. Впоследствии Аристотеля критиковали за смешение онтологического, логического и грамматического. Х. Штейнталь упрекает Аристотеля и в том, что он нечетко сформулировал отношения между языком и логикой и что у него нередко совпадали понятия бытия, говорения и мышления [16, с. 204]. А. Г. Сейс писал о том, что, если бы Аристотель был мексиканцем, его система логики приняла бы совсем другую форму [15, с. 329]. И, пожалуй, резче всего выразил эти мысли Ф. Маутнер: «Вся логика Аристотеля есть не что иное, как рассмотрение греческой грамматики с одной интересной точки зрения. Если бы Аристотель говорил по-китайски или на языке индейцев дакота, он бы неизбежно пришел к другой логике» [12, с. 4] (перевод наш. – О. Л.).

При этом особо следует подчеркнуть, что сам Аристотель не употреблял ни термина $\sigma\tau\omicron\iota\chi\epsilon\iota\mu\alpha$ $\tau\omicron$ $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$ (элементы речи), ни $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ $\tau\omicron$ $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$ (части речи) (Некоторые исследователи связывают происхождение термина $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ $\tau\omicron\upsilon$ $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$ со стоиками, ср. [14, с. 71–72].): двадцатая глава его «Поэтики» посвящена $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ $\tau\omicron$ $\lambda\acute{\epsilon}\xi\epsilon\omicron\varsigma$ (частям словесного изложения, к которым относились элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение). Все три перечисленных термина, равно как и четвертый – $\sigma\tau\omicron\iota\chi\epsilon\iota\mu\alpha$ $\tau\omicron$ $\lambda\acute{\epsilon}\xi\epsilon\omicron\varsigma$ (элементы словесного изложения) – еще в античной философии не получили абсолютно однозначной трактовки и нередко отождествлялись, что было неудивительно на фоне борьбы различных философских школ Древней Греции.

Небезынтересно подчеркнуть, что взгляды Аристотеля и Платона на понятия $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ и его отношения с $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\sigma\tau\alpha$ и $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\sigma\tau\alpha$ не совпадали, о чем пишут многочисленные исследователи – как философы, так и лингвисты, выделяя при этом различные критерии сравнения. Так, для Платона $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ состоит из мельчайших частиц – $\omicron\upsilon\omicron\mu\alpha\tau\alpha$ (ср. по Аристотелю $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ состоит обязательно из двух частей – $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\sigma\tau\alpha$ и $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\sigma\tau\alpha$ (ср. [Paul 1978, 198], [16, с. 239]).

Платон и Аристотель ввели понятия $\square\upsilon\omicron\mu\alpha$ и $\square\sigma\mu\alpha$ как элементы, от которых зависит истинность или ложность высказывания; стоики, исследовавшие вопросы детерминации субъекта, расчленили $\square\upsilon\omicron\mu\alpha$ на имя собственное и нарицательное (ср. [6, с. 58]). Сначала стоики отделили от союзов члены (артиклы), затем от имен – нарицательные слова, от имен – местоимения. Впоследствии от глаголов были отделены наречия, а от нарицательных слов – причастия, что завершило классическую александрийскую восьмичленную схему частей речи. И сами термины $\square\upsilon\omicron\mu\alpha$ и $\square\sigma\mu\alpha$, значившие во времена Платона и Аристотеля в разговорном языке соответственно ‘слово’ и ‘оборот речи’, приобрели у стоиков и александрийцев иной, грамматический характер. При этом логико-синтаксический смысл противопоставления $\square\upsilon\omicron\mu\alpha$ как элементов предложения (высказывания, суждения) был утерян, и их противопоставление свелось лишь к морфолого-семантическим различиям (ср. [7, с. 118]).

Восемь частей речи александрийской грамматики Дионисия Фракийца получили определение при помощи неравномерно распределенных семантических, синтаксических и морфологических признаков:

1) имя (Όνομα) – склоняемая часть речи, обозначающая лицо или вещь;

2) глагол (Rhema) – несклоняемая часть речи, но спрягаемая по времени, лицу и числу и обозначающая исполнение или претерпевание действия;

3) причастие (Μετοχη) – часть речи, имеющая признаки имени и глагола;

4) артикль (Αρθρον) – склоняемая часть речи, которая предшествует имени или следует за ним;

5) местоимение (Αντωνυμία) – часть речи, замещающая имя и указывающая на лица;

6) предлог (Prothesis);

7) наречие (Επιρρημα) – несклоняемая часть речи, которая присоединяется к глаголу или его модифицирует;

8) союз (Syndesmos) – часть речи, соединяющая дискурсы [13, с. 239].

С созданием александрийской грамматики история развития теории частей речи, казалось, достигла того апогея, тех вершин, которые никогда впоследствии (в течение более двадцати столетий!!!) не повторялись: вся последующая история теории частей речи так или иначе была связана с восьмью частями речи древнегреческого языка, предложенными Дионисием Фракийцем.

Римские грамматисты не случайно ревностно продолжали эллинистическую грамматическую традицию: римские аристократы были воодушевлены греческим культурным наследием, их дети воспитывались так, что могли прекрасно владеть устным и письменным греческим языком, все греческое было в моде, древнегреческий язык был для римлян образцовым языком, грамматика Дионисия Фракийца была образцовой грамматикой. Культура Римской империи была билингвальной: греческий и латинский языки были связаны единым идеологическим стандартом мифологических верований и практически общей на рубеже нашей эры политической историей. Для усвоения этой духовной культуры необходимо знание двух языков (см. [1, с. 80]). Выросшие в такой среде дети римских аристократов неизбежно оказывались под влиянием *престижных* греческих языковых образцов. Поэтому им ничего и не оставалось, как переносить структуры древнегреческого языка на латынь, потому что латинские грамматисты были в любом отношении зависимы от их греческих образцов (см. [11, 13]) и от греческой терминологии.

Довлеющая над частеречной теорией в течение двух тысячелетий греко-латинская терминология продолжает играть роль проводника тех идей, которые выражали античные философы на материале своих родных языков. Причем понимание частеречной проблемы еще во многом остается в плену античных представлений о языке и античных потребностей в его изучении. Описание многих языков так или иначе напоминает «подгонку» их материала под требования, диктуемые латинской терминологией: *наречие (adverbium)* выделяется не иначе как слово, стоящее при *глаголе (verbum)* и его определяющее, *числительное* – как слово, обозначающее *число*, *предлог* – по его местоположению *перед* другой частью речи и т. п.

С другой стороны, следует признать, что и вся терминология теории частей речи на протяжении всей истории существования этой проблематики – от Платона до наших дней – служит в определенной степени символом, условностью в процедуре описания любого языка мира, условностью, нередко имеющей мало общего с реальной языковой действительностью. Поэтому столь важно было бы реально связать эти термины с языковой действительностью. Рубрики «глагол», «существительное», «прилагательное», «наречие», «местоимение», «предлог», «союз», реже – «числительное», «междометие», «частица» мож-

но встретить в грамматиках практически всех описываемых языков мира (к тому же едва ли не всегда в перечисленной последовательности). При этом, если сравнить основания для выделения и описания перечисленных групп, нельзя не заметить, насколько они несводимы к одному или системе соизмеримых «знаменателей». Тем не менее, удобная, привычная с детства традиционная терминология с успехом переходит из учебника в учебник, из одного теоретического трактата в другой.

Удобство и привычность традиционной терминологии для определенных целей (а сюда относятся прежде всего цели описания языков с ведущими признаками флексии для обучения этим языкам) оспаривать нет нужды. Но едва мы отойдем от языков Европы и Азии, более знакомых и привычных нам, как возникают трудности и с выделением слова, и с вычленением и классификацией этих слов по рубрикам, известным и привычным как «части речи». Если в абсолютном большинстве языков со сравнительно длительной историей описания (а это прежде всего индоевропейские флективные языки) схема Дионисия Фракийца именно в силу их типологического сходства с греческим и латынью в большей степени способна описать присущие им закономерности, то в языках с ведущими элементами изоляции или полисинтетизма такая схема едва ли полностью применима как инструмент их адекватного описания. О том же, до какого предела можно применять традиционные подходы и термины, заимствованные из греко-римской традиции, для таких языков, можно убедиться лишь после их непредвзятого изучения.

Отсутствие однозначности в терминологии дает почву разного рода произвольности и интуитивности. Интуитивность характерна при трактовке самих критериев классификации: понимание семантического критерия, который для большинства исследователей представляется наиболее важным и при помощи которого даются определения почти всем частям речи, является не чем иным, как интуитивным терминологическим отображением формальных признаков частей речи. Такие понятия, как «предмет», «действие», «признак», «признак действия», которые фигурируют в дефинициях, сформулированных при помощи традиционного так называемого семантического критерия классификации основных знаменательных частей речи, столь же интуитивны, сколь и фиктивны в силу своей именно семантической беспомощности. Используя их, об-

разованный носитель языка еще как-то смог бы объяснить разницу, например, между словами *белизна*, *белеть*, *бело* и *белый*, однако они едва ли смогут что-нибудь открыть для изучающего этот язык носителя языка с совершенно иными типологическими характеристиками, например, китайца или индейца.

Рассуждения о частеречной проблематике, осуществляющиеся на примере и на материале одного языка, также теоретически, особенно типологически, беспомощны и терминологически некорректны. Признание в том или ином языке тех совершенно определенных классов слов, некогда переписанных с восьми частей речи грамматики Дионисия, еще ни о чем не говорит, кроме не критического перенесения отдельными авторами греческой системы частей речи на систему своего родного языка. Без предварительного анализа системной значимости как каждой отдельной части речи среди всех остальных, так и самой системы частей речи в языковой системе древнегреческого и латыни такие попытки попросту неправомерны, поэтому они могут быть оценены как наклеивание античных ярлыков на материю нередко иного свойства.

А поскольку античные термины, античные ярлыки все-таки используются повсеместно, задача состоит в том, чтобы дать им реальное типологическое объяснение. Сейчас наше внимание более всего должны занимать не поиск новых терминов, а приведение общепризнанных старых к более или менее обоснованному знаменателю. В общей и типологической теории частей речи одному термину должно соответствовать определенное понятие, объем которого в разных языках может варьироваться, но суть – оставаться сопоставимой, иными словами, чтобы мы могли сказать, что есть существительное, или прилагательное, или местоимение, или глагол не интуитивно, а опираясь на конкретные формальные признаки.

Библиографический список

1. Амирова, Т. А. История языкознания [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский; под ред. С. Ф. Гончаренко. – М.: Академия, 2003. – 672 с.
2. Бочаров, В. А. Аристотель и традиционная логика (Анализ силлогистических теорий) [Текст] / В. А. Бочаров. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 136 с.
3. Звегинцев, В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] / В. А. Звегинцев //

Гумбольдт Вильгельм фон Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 356–362.

4. Тронский И. М. Учение о частях речи у Аристотеля [Текст] / И. М. Тронский // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1941, Вып. 7. – № 63. – С. 20–36.

5. Arens H. Sprachwissenschaft: der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. – Freiburg in Breisgau: Alber (Orbis academicus), 1969. – 816 S.

6. Auroux S. Beauzée und die Universalität der Wortarten // Schlieben-Lange Brigitte, Ivo Hubert (Hrsg.) Wortarten. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi), H. 76, 19/1988). – S. 56–75.

7. Cherubim D. Grammatische Kategorien: das Verhältnis von "traditioneller" und "moderner" Sprachwissenschaft. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag (Reihe Germanistische Linguistik, Bd. 1), 1976. – 196 S.

8. Coseriu E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. – Tübingen: Franke (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1372), 1988. – 329 S.

9. Köller W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S.

10. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag (Reihe Germanistische Linguistik; 121: Kollegbuch), 1996. – 463 S.

11. Lyons J. Einführung in die moderne Linguistik. – München: Verlag C. H. Beck, 1972. – 538 S.

12. Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. 3. Bd. Zur Grammatik und Logik. – Stuttgart, Berlin: J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger G. M. B. H., 1902. – 666 S.

13. Paul L. Geschichte der Grammatik im Grundriß: Sprachdidaktik als angewandte Erkenntnistheorie und Wissenschaftskritik. – Weinheim, Basel: Beltz Verlag (Pragmalinguistik; Bd 14), 1978. – 591 S.

14. Rijlaarsdam J. C. Platon über die Sprache. Mit einem Kommentar zum Kratylos. Mit einem Anhang über die Quelle der Zeichentheorie Ferdinand de Saussures. – Utrecht: Bohn, Scheltema & Holkema wetenschappelijke uitgeverij, 1978. – 350 S.

15. Sayce A. H. Introduction to the science of language. 2nd vol. – London: Kegan Paul, Trench, Trübner & CO. L^{td}, 1900. – 421 p.

16. Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern (mit besonderer Rücksicht auf die Logik). 1. Bd. – Berlin, 1890. – XVIII, 374 S.

17. Trendelenburg A. Geschichte der Kategorienlehre: zwei Abhandlungen. – Berlin: Bethge, 1846. – XVI, 384 S.

18. Weizsäcker C. F. von Die Einheit der Natur. – München: Hanser, 1979. – 491. S.